

Шугушева Джулета Хабасовна

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА "ПСЭ" (ДУША) В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. КЕШОКОВА

В статье поднимается вопрос репрезентации концепта "псэ" (душа) на материале фразеологии романа-дилогии "Вершины не спят" А. П. Кешокова. Рассматриваются системные случаи целенаправленного использования автором тематической группы фразеологических единиц с целью выявления их национально-культурной специфики. В исследовании акцентируется внимание и на том, что А. П. Кешоков в своих многогранных творческих работах как оттенял общепринятое представление об определенном понятии, так и имел свое видение, свою трактовку относительно него. Так, понятие "псэ" (душа) в представлении поэта не просто душа, но - это сама жизнь, жизнь физическая - ничто, если нет присутствия души.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 1. С. 167-170. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**THE KOREAN LANGUAGE AND SOCIO-ECONOMICAL SITUATION IN LATE JOSEON KOREA
ON THE BASIS OF THE ANALYSIS OF RUSSIAN-KOREAN PHRASE-BOOK OF 1904**

Khairutdinov Ramil' Ravilovich, Ph. D. in History
Ko Young Cheol, Ph. D. in Pedagogy, Professor
Kazan (Volga region) Federal University
ramilh64@mail.ru; komgus@mail.ru

The paper examines the socio-economic situation in late Joseon Korea and the variants of the Korean language of that period. The research is conducted on the basis of a comparative analysis with the modern situation in Korea in the mentioned spheres. The study is based on Russian-Korean dictionary of 27.01.1904 stored in the Kazan Federal University archives.

Key words and phrases: Russian-Korean dictionary of 1904; late Joseon period; Russian-Japanese war; socio-economic situation in the country; the Korean language; the Yukchin dialect; social language.

УДК 81

В статье поднимается вопрос репрезентации концепта «псэ» (душа) на материале фразеологии романа-дилогии «Вершины не спят» А. П. Кешокова. Рассматриваются системные случаи целенаправленного использования автором тематической группы фразеологических единиц с целью выявления их национально-культурной специфики. В исследовании акцентируется внимание и на том, что А. П. Кешоков в своих многогранных творческих работах как оттенял общепринятое представление об определенном понятии, так и имел свое видение, свою трактовку относительно него. Так, понятие «псэ» (душа) в представлении поэта не просто душа, но – это сама жизнь, жизнь физическая – ничто, если нет присутствия души.

Ключевые слова и фразы: концепт; лингвокультурология; фразеологическая единица; семантика; контекст.

Шугушева Джулета Хабасовна

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
shugushd@mail.ru

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПСЭ» (ДУША)
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. КЕШОКОВА**

В центре творчества А. П. Кешокова – человек во всей сложности своей физической и духовной деятельности; языковая картина мира писателя, являясь результатом непрерывной духовной языкотворческой деятельности, представлена концептосферой, одно из ключевых мест которой занимает «псэ», которое обычно переводится на русский язык как «душа» [7, с. 567]. Семантическая структура лексемы *псэ* гораздо сложнее, ее в толковых словарях определяют и как саму жизнь, одушевленность, внутренний психический мир человека, его сознание, мышление [2, с. 47].

Исследование концепта «псэ» в творчестве А. П. Кешокова в связи с изучением особенностей художественного мировоззрения писателя, выражения авторского осмысления сущности концепта представляется актуальным, особенно на фразеологическом языковом материале, в котором наиболее ярко проявляется «дух народа».

Под концептом мы понимаем «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека» [6, с. 37].

Как известно, в современной лингвистике много внимания уделяется исследованию многоаспектного и многофункционального образа человека, в частности, его духовной составляющей. В связи с этим нельзя не назвать известных ученых: Ю. Д. Апресяна (1957), Н. Д. Арутюнову (1999), А. Вежицкую (1999) В. И. Карасика (2002), Е. С. Кубрякову (2012) и др. В кабардинском языкознании следует отметить работы З. Х. Бижевой (2000) и Л. М. Дзугановой (2008).

В связи с реализацией поставленной задачи были рассмотрены ФЕ с компонентом «псэ» в речи персонажей и в авторской речи романа – дилогии «Вершины не спят» писателя.

Прежде всего, понятие *псэ* писатель понимает как саму жизнь; он использует ФЕ, в составе которых *псэ* фигурирует с глаголами *пытын, хэтын, хэГын, ГукГын, кьыхыхэжын: псэр пытын* – быть живым, пока душа в теле держится; *псэр хэтын* – быть живым (букв.: душа есть в теле); *псэр хэГын* – умереть (букв.: душа уходит); *псэр ГукГын* – испугаться (букв.: душа ушла); *псэр кьыхыхэжын* – прийти в себя, ожить (букв.: душа вернулась).

Сэр цхэклэ фымыгузавэ. Зыкьезгъэубыдынкъым си псэр пыту [4, с. 91]. / *Обо мне не беспокойтесь. Не дам себя поймать, пока жив* (здесь и далее перевод автора статьи – Ш. Д.).

Хъалидэ зыкыгъазэркъым, псалги кыжьээдэжырккъым. Абы **псэ хэту** ниццэжынккъым [5, с. 153]. / Халида не оборачивается, не говорит ни слова. Как будто ее **покинула душа**.

Ауэ, сыту цытми, цыыхуц, **псэ хэтиц**, нэрэ нэлэрэ зэхуимыху нэху цыыху сымаджэм бгъэдэсыфынуц [Там же, с. 15]. / Как бы то ни было, она **живой** человек, в котором **есть душа**, и не смыкая глаз, она может сидеть с больным до утра.

Алыхъым и шыкуркцэ, цэгуац. И **псэр хэлауэ** цытамэ, сыт цэгуажынт? [Там же, с. 6]. / Слава Аллаху, он простонал. Если бы **душа его покинула**, разве застонал бы?

Думэсарэ и вакъитым лыхъуэрт, Лу гъуэгъерт. Саримэ, и **псэр Луклауэ**, зыццыхумэжац, Тембот и нитыр кыхуу цхъэгъубжэмкцэ плъэрт [4, с. 72]. / Думасара искала свою обувь, Лу рыдал. Сарима, **испугавшись**, залезла под одеяло, Тембот с испуганными глазами смотрит в сторону окна.

Бот и кыцу цытам **псэ кыыхыхъэжат**, шэдэбжыр щепцэрт, сьдэжыр зурт, гъукитыр лъацэрт [Там же, с. 176]. / Бывшая кузница Бота **ожила**, кузнечный мех надувался, наковальня звенела, а два кузнеца кузнечили.

Для вопроса о том, жив ли человек, используется ФЕ **псэ йут** – «живой, быть живым» (букв.: душа находится в теле):

Астемыр кыхуэзахэр зэпсалэрт: – **И псэр йут?** – Псэуц иджыри, – жацэу [Там же, с. 61]. / Наткнувшись на Астемира говорили между собой: – **Ещё жив?** – Да, **живой** ещё, – говорят.

(Псэуц – производное от **псэ**, означает «живой», а суффикс «цэ» – это утверждение о существовании).

Поэтому ФЕ **псэр тын** – отдать душу – означат «умереть»:

Мэжджыт кцэуцым дэтым хъэжыр къацыыхыэм, дуней хъэзабыр диным папццэ ишэчауэ, диным цхъэкцэ и **псэр итыну** а фэр зытригъауэрт [Там же, с. 15]. / Когда мула подошел к стоящим внутри мечети, он сделал вид, что из-за веры больше муки терпел и что из-за веры готов **отдать** свою **душу**.

Уеблэмэ, жацэрт, ар цыыху цыкцум я уэчылу, тхъэмыцкцэхэм я насытым папццэ и **псэр итыну** хъэзыру. Кцэуаракъэ, революционеру къалытэ хуат [5, с. 207]. / Даже говорили, что он являлся защитником простолудинов, и из-за счастья несчастных готов **отдать** свою **душу**. В общем, его начали считать революционером.

ФЕ **псэр хэлын** выступает в контекстах писателя и в значении «умереть», и в значении «испугаться до смерти» [1, с. 143] (букв.: уйти душе):

– **Сылэху, си псэр хэлыху**, – жицэрт Мэтхъэным, – зауэр къабыл сццынукъым [4, с. 229]. / – Пока не умру, пока **душа** меня **не покинет**, – говорил Матхан, – я не приму войну.

Бэлацэ и **псэр хэлаиц** [Там же, с. 242]. / Баляца **испугался до смерти**.

Т.е. **псэ** олицетворяет жизнь, ее отсутствие – смерть. Именно поэтому слова героев романа воспринимаются как серьезная угроза: **Уи цэмкцэ уи псэр хозмыгъэхыжэмэ**, уэ сыпхуэдэц сэри [Там же, с. 32]. / **Если я не заставлю тебя собственными руками лишиться себя жизни**, то я такой же, как и ты.

Я псэр си цэмкцэ хэсхынуц. Мис мы си йитынкцэ! Флэагъурэ мыр? Арац, яжефцэ ар псоми [Там же]! / **Я лишу их жизни собственными руками**. Вот этими руками! Видите их? Так-то, скажите это всем!

О ценности **псэ** как самой жизни говорит пословица «псэр цэфцэ» – букв. «жизнь сладкая»: Амцэ, хъарзынкъэ, ди адэ, алыхъ талэм кърмэн ухуаццы нэхъ дахэ сыт цыцэ? Ауэ си цэмрэ си лъакъуэмрэ фцэуэ пхы, **псэр цэфцэ**, хэт иццэрт, солъэкъуауэмэ, зозгъуэцэжынкцэ хъуц [Там же, с. 246]. / Так это же хорошо, отец, принести тебя в жертву Аллаху, что может быть лучше этого. Но свяжи крепче мои ноги и руки, **жизнь сладка**, кто знает, если начну брыкаться, ненароком поранишься.

Псэ зылу выступает часто в значении «кто-либо, человек, личность» (букв.: в котором есть душа):

– **Псэ зылу** укыгъэувыцэнукъым! – трэгъэчэныхъ Гиви. – Зы цыыху цэпцэ зэлуэ мыхъун ухъуауэ арац [5, с. 36]. / – **Ни одна живая душа** не остановит тебя! – настаивает Гиви. – Ты стал недоступным ни для кого, ни один человек даже не может тебя коснуться пальцем.

На наш взгляд, в данном случае актуализируется такое значение **псэ** как человек, являющееся семантическим развитием понятия **живой**, имеющий душу.

В контекстах А. П. Кешокова **псэ** является и вместилищем самых теплых, нежных чувств: **псэм** и **ццэ** – «по душе, душевный» (букв.: любимый душе); **псэм фцэфцэ** – «приятно душе, прійтись по душе»; **псэр зы чысэм илтын** – «душа в душу» (букв.: их души находятся в одном кисете).

Пшынауэм езым фцэуэ илэагъу къафэм цэуэнуэр зыпыль ццэлэр къэкцэуэ нэужьт. Ццэлэ къэкцэуэхэр заныцэуэ увурти цэуэ эурт, хъыджэбзэхэм яхэплэрт, хэту нлэрэ си **псэм** и **ццэ**, жацэу [4, с. 29]. / Гармонистка играла свою любимую мелодию только тогда, когда приходил её молодой человек. Все парни сразу начинали хлопать под мелодию, приглядывались к девушкам в надежде найти ту, которая им **по душе**.

Рахым темыгуихуаццэми, цэуэр и **псэм фцэфцэ**, сыхуейкъым жыпцэмэ, улыгъэнизу къафцэццыны, жицэри Рахым Дисэ жицэм еувэлэныр нэхъ тригъэкцэуац [Там же, с. 47]. / Хотя Рахим и не решился, дело было ему **по душе**, скажешь «не хочу», воспримут как трусость, и Рахим решил принять то, что говорит Диса.

Деникиным быцэзауэм Гикалэ дэрэ **ди псэр зы чысэм илтын**. Ди гугъуэхы ди гугцэуэ зэдэгуэшу цытац [5, с. 388]. / Когда Гикало и мы воевали с Деникиным, то мы жили **душа в душу**. Мы делили между собой и горе и радость.

Псэ – это не только жизнь, но и нечто свойственное только человеку, некая субстанция, без которой его не существует. ФЕ **псэ хэлхээн** означает «вложить душу», использование ФЕ с отрицанием является средством характеристики персонажа, понимающего **псэ** как **душу**, нечто нематериальное, данное Богом:

По сурэт зэрыпцЫнур? Сурэт зыцІам кьэмэт махуэм кьедэуэжынууц: псэ ицхьэ кьысхыумылъхарэ, жиІэнурэ. Сурэт пцЫ хьурэ? [4, с. 233]. / Зачем нам фото? С тем, кто сделал фото, в судный день будут спорить: почему не вложил души, не оживил. Разве можно делать фото?

Такое же понимание в ФЕ и *псэр хьэришым хьхьэжащ* – «его душа ушла в поднебесье, испугаться сильно»: *Мэсхьуд кьигьээжауэ цЫхухэр зэхуишэсырт, Чачэ и псэр хьэришым кІуэжауэ кІэзыу цытт [Там же, с. 79]. / Масхьуд, вернувшись, собирал людей, Чача стоит дрожа, сильно испугавшись.*

Лексема *хьэриш* означает «небо, поднебесье», куда душа возносится после смерти, в приведенной же конструкции ФЕ характеризует психофизическое состояние персонажа, крайне испуганного происходящими событиями.

Душа может предчувствовать, знать: – *Сьуэркьц жыІа? Фэуэ птетц. Уи шымкІи, уи фацэмкІи. ЗаныІэу си псэм ицІам узэрыуэркьыр. УэркьитІ зэгурымыІуэныр емькІукьэ? Уи цІэр хэтиц жыІа? [5, с. 71]. / Уорк, говоришь? Видно. По твоему коню и оружию. Сразу почувствовал, что ты уорк. Разве не стыдно, когда два уорка не могут понять друг друга? Как, сказал, тебя зовут?*

Довольно часто в речи персонажей, особенно пожилого возраста (в диалогии «Вершины не спят» – Диса, Данизет, Рагим, Нана), фигурируют обращения, компонентом которых является *псэ*: *си псэ* – моя душа; *си псэ тІэкІу* – милый мой (букв.: моя душечка, моя маленькая душа); *си псэм хуэдэ* – душа моя (букв.: как моя душа); *си псэ тІэкІур зышыхын* – дорогой мой (букв.: тот, который съест мою маленькую душу).

– *АтІэ, си псэ. Астемыр мыбы деж кьыщувьІэнт [4, с. 124]? / – Да, душа моя. Разве Астемир здесь остановился бы?*

Псы жиІэу укьээзыгьэкІуар зыхуейр пцІэркьэ? Махьсымэц. Кьэблэгьэну цыхуэмейкІэ, мэ, си псэ тІэкІу, махьсымэ шынакьри хуэхь [5, с. 520]. / Разве не знаешь, что хочет тот, кто тебя прислал за водой? Бузу. Раз не хочет к нам пожаловать, на, милый мой, отнеси ему миску бузы.

– *Унэидзыхьэ дыкІуэуи? – Ахьайуи, си псэм хуэдэ [4, с. 47]. / Едем умыкнуть (красть невесту)? – Конечно, душа моя.*

– *А тІу, а си псэ тІэкІур зышыхын, тхьэ кьыдженІэн – си цІалэ цІыкІу мыгьуэм ухуэмызауэ пІэрэ [Там же, с. 131]? / Эй, дорогой мой, скажи ради Аллаха – не встречал ли ты моего мальчика?*

Апеллятивы с компонентом *псэ* выражают наивысшую степень чувства любви и нежности адресанта; если он – мужчина, то подобное обращение относится к младшим: *(Рагим) Мэ, мыри дэхь, си псэ тІэкІу, ягьэ кІынкьым [Там же, с. 41]. / (Рагим) На, отнеси это тоже, душа моя, не обессудь.*

Такое обращение применяется, когда адресат особо нуждается в заботе; так, проводящая больного героиня романа Диса обращается к нему: *Чачэ кьызырысу нэмэзыбзэм хуэдэу зыгуэр кьибжу цІидзащ. – А си псэ тІэкІу мыгьуэр зышыхын. Сыту узыфэ Іей мыгьуэ кьофыкІыр [Там же, с. 11]. / Как только Чача пришла, сразу начала бормотать что-то как молитву. – О, душа моя. Что за ужасная болезнь тебя охватила.*

Во всех случаях употребления данных обращений герои писателя испытывают сильные чувства, в том числе и тревогу: – *Саняят, умыгь, куэдц. Уэра атІэ гьын хуейр? УгуфІэн хуейщ. Щыгьэт, си псэ тІэкІу, – жиІэу [5, с. 584]. / – Саняят, не плачь, хватит. Разве ты должна плакать? Ты должна радоваться. Успокойся, душа моя.*

Особая близость, верность свойственна тем, о ком герои говорят пословицы: – *Ар цІэбгьэцІэгьуэн цыІэкьым, – жиІэрт Астемыр, – а тІум я псэр зы вакьапхьэм кьыхахащ. Шэрихьэт шуц [4, с. 134]. / Незачем удивляться этому, – говорил Астемир, – их души сделаны из одной кожи. Всадники шариата они.*

А зэгьунэгьуитІыр кьэзылгьагьур кьехьуапсэрт, я псэр зы чысэм иль хуэдэц, жаІэрти [Там же, с. 218]. / Все, кто видели этих соседей, завидовали им, говоря, что живут душа в душу.

Семантику приведенной пословицы автор использует и для создания иронии:

Дунейм цЫхуу тетыр тІууэ гуэшащ: инькьуэр кьулейуэ, инькьуэр кьулейсызу. Кьулейсызу цыІэр кьулей хьуну хуцІокьу. Арац бэлыхьу цыІэр кьызырыкІыр. АтІэ «сыз» жыхуиІэ тІэкІур псалъэм пьудатэмэ, псори хьарзынэу зэдэпсэунут, я псэр зы чысэм иль. Пэжкьэ? Ы? Пэжкьэ? Хьэ-хьэ-хьэ! Хуэзгьэза тэмэму? Хьэ-хьэ-хьэ. Ы? [Там же, с. 108]. / Все люди, которые живут на земле, делятся надвое: половина богатые, половина бедные. Все бедные стремятся быть богатыми. От этого и все беды. Так если бы часть «сыз» отсекли бы от слова, все были бы довольны, жили бы душа в душу. Не так ли? А? Не правда? Ха-ха-ха! Я правильно сказал? Ха-ха-ха. А?

О соотношении концептов «душа» и «сердце» в лингвистике имеется много работ на материале различных языков, есть такие исследования и на материале кабардинского языка. Так, З. Х. Бижева, рассматривая ФЕ *гурэ псэкІэ* – «от чистого сердца», букв. «сердцем и душой», отмечает близость *гу* и *псэ* в определенных контекстах [2, с. 47]; фигурируя в речи героев, а также в авторской речи, данная фразеологическая единица выступает показателем крайней степени чувства, действия, сосредоточенности:

Март мазэр кьихьэри, цЫхум гукІи псэкІи кьагурыІуащ Деникиным и дзэр кьызырыкьутэр [4, с. 127]. / Наступил месяц март, люди душой и сердцем поняли, что войско Деникина получает поражение.

Шэшэн народ хахуэмрэ Грузиэмрэ зэныбжьэгьу, зэгьунэгьу зэрыхьум гукІи псэкІи сыщогуфІыкІ [5, с. 210]. / Я душой и сердцем радуюсь тому, что героический чеченский народ и Грузия подружались.

ГукІи псэкІи фІэмыфІу, езы Дисэ цыхьыдэжэбьэм Зырамыку мыгьуэм кьратат [4, с. 155]. / Не принимая ни душой, ни сердцем, саму Дису девчонкой отдала за Зрамука.

Мэтхьэныр гукІи псэкІи еувэллэщ а тхылъым [Там же, с. 227]. / Матхан душой и сердцем взялся за эту книгу.

Как и во многих других языках, соотносится концепт *псэ* – «душа» и с концептом *нэ* – «глаза», который также является экспонентом души в кабардинском языке. В приводимых контекстах ФЕ лексемы *псэ* и *нэ* выступают в синонимичном значении, усиливая и дополняя друг друга:

Данизэт жиІэр Дисэ и нэт, и псэти и тхэкІумэ пІауцІитІыр тегъэхуауэ едаІуэрт. Данизэт и цхъэ мыгъуагъэ хуихъу иригъэкІуэжІырт [Там же, с. 111]. / *Что говорит Данизат Диса воспринимала сердцем и душой и слушала её в оба уха. Данизат всё время корила себя.*

Астемыр зи ужъ итыр и нэт, и псэти дихъэхуауэ елэжъырт [Там же, с. 193]. / *Астемуру нравилось душой и сердцем то, чем он занимался, и работал с усердием.*

О равной степени важности *псэ* и *нэ* говорит пословица, которая подводит итог пламенного монолога одного из главных героев романа – Инала, которого она и характеризует: – *Ди джатэ къитхар зэрит-лхъэжжу, ди пцэм къыдэтІысхъэнуц пцыжъ-уэркъыжъхэр. Ар цхъэ умыцІэрэ? Уи нэ къеІэм и псэ еІэж, жи* [Там же, с. 229]. / – *Как только мы уберем наши кинжалы в ножны, пишы-уорки сядут нам на шею. Почему ты этого не знаешь? Как говорится, око за око, зуб за зуб* (букв.: если тебя хватят за глаза, то и ты душу хватай) [3, с. 187].

ФЕ с компонентом *псэ* в романе обозначают и состояние человека, степень крайнего напряжения, как физического, так и духовного:

Лъырэ псэкІэ къэтхъа властым цІэгъэкъуэн хуэхъуну зымыдэр лъэныкъуэ едгъэзыниц. Къызджэрий сэбэп сыхъуниц жиІэри къэкІуэжац жыпІакъэ? Хъарзынэц [5, с. 502]. / *Тех, кто не хочет оказать посильную помощь власти, которую мы принесли с трудом и кровью, уберём. Говоришь, Казгирей вернулся, чтобы помочь нам? Хорошо.*

– *Я псэм емыблэжу сым жыпІа цІэзэуар?* – *жиІэри сэлэт комитетым цыцыр цІэуцІац, Астемыр дежкІэ къакІуэу* [4, с. 63]. / – *Так зачем, говоришь, они воюют, не щадя себя?* – *спросил один из солдатского комитета, идя к Астемуру.*

Абдул, жылэр зэрызехъэу къажэ къыфІэцІати, и псэр и лъэдакъэм нэсауэ хадапхэмкІэ эдэжэм, абыкІэ псыІэрышиэ къызэпрыжыр имыцІэу, жэцыр кІыфІти, имылгагъуу псым хэхуац [Там же, с. 48]. / *Абдуле показалось, что все село с гневом бежит к нему, у него душа ушла в пятки, ночь была темной, не видя, куда бежит, он упал в воду.*

Проведенный на материале дилогии «Вершины не спят» А. П. Кешокова анализ одного из духовных концептов в произведении писателя позволяет сделать некоторые выводы.

Прежде всего, необходимо отметить, что все ФЕ – репрезентанты «псэ» в романе эмоционально и экспрессивно окрашены. ФЕ с компонентом *псэ* имеют различную семантику, среди которых превалирует значение *псэ* как «жизнь, живое», а также как нечто нематериальное, данное Богом. Писатель использует конструкции, в которых *псэ* соотносится с сердцем, глазами, является средоточием самых тонких чувств, ярко характеризую героев и их поступки.

Список источников

1. Бербеков Б. Ч., Бижоев Б. Б., Утижев Б. К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 2001. 240 с.
2. Бижева З. Х. Адыгская языковая картина мира. Нальчик: Эльбрус, 2000. 128 с.
3. Карданов Б. М. Кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1963. 344 с.
4. КЫШОКЪУЭ А. Тхыгъэхэр томихым (6) шызэхуэхъэсауэ. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 2-нэ. 488 с.
5. КЫШОКЪУЭ А. Тхыгъэхэр томихым (6) шызэхуэхъэсауэ. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 3-нэ. 752 с.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 189 с.
7. Словарь кабардино-черкесского языка / Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. 1-е изд.-е. М.: Дигора, 1999. 860 с.

PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT «ПСЭ» (SOUL) IN A. P. KESHOKOV'S WORKS

Shugusheva Dzhuleta Khabasovna

Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik
shugushd@mail.ru

The article raises the question of the representation of the concept «псэ» (soul) by the material of the phraseology of the novel-dilogy “The peaks are not asleep” by A. P. Keshokov. The paper deals with the system cases of the purposeful use by the author of a thematic group of phraseological units for the purpose of revealing their national and cultural specificity. The study also focuses attention on the fact that A. P. Keshokov in his many-sided creative works shaded the generally accepted notion of a certain concept, as he had his own vision, his interpretation of it. So, the concept «псэ» (soul) in poet’s view is not just a soul, but it is life itself, physical life is nothing if there is no soul.

Key words and phrases: concept; cultural linguistics; phraseological unit; semantics; context.